

6.11.97

Поляков Юрий

Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА.
Концерт «ВМ»

Застолье у Юрия Полякова, помимо прочего, было примечательно тем, что ассортимент закусок почти сплошь оказался составлен из продуктов собственного огородного производства. За исключением разве что водки и селедки. Писатель с бесценной женой Наташей горделиво и умиленно уточнял историю происхождения каждого очередного овоща, что придавало неспешной беседе утонченный пасторальный, скажу даже — руссоистский аромат. Притом что гостеприимный хозяин наш не «почвенник», а совсем даже наоборот: в 80-е годы его повести «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа» и другие прозвучали подобно бронебойному залпу в сонной и замшелой литературной тьмутаракани.

Веч. Москва. — 1997. —
6 нояб. — с. 12

Юрий ПОЛЯКОВ:

ОТ НАШИХ РЕФОРМ НЕМЕЦ БЫ ОКОЛЕЛ

Популярный прозаик считает: то, что комсомолки ходят с инструкторами в баню, больше не предмет литературы.

— Ты рос в пролетарском общежитии. Твои гурманские пристрастия того времени и поры преуспевания различались?

— Когда появились первые западные продукты и все бросились за ними, я не был исключением. Но не долго. Думаю, у каждого народа свои гастрономические предпочтения, к которым, так или иначе, все возвращается. У нас дома — картошечка, селедочка... Сказать, что я теперь ем только лобстеры? Не я ем лобстеры!

Что до моего детства — мы жили с родителями в заводском общежитии, конечно, ели скромнее. Была, например, целая проблема — составить праздничный стол. Но что интересно, я не помню за весь советский период, чтобы пришел к кому-то в гости и был бы пустой стол. Если о ресторанах, то тогда было прелестное в виде вывески «Мест нет». А сейчас — денег нет.

— И у тебя нет?

— Деньги, может, и бывают, но это все сейчас так дорого! Раньше, скажем, я с гонорара за подборку стихов мог несколько дней выпивать и закусывать в ЦДЛ, друзей угощать, а теперь... В ресторане Дома литераторов нет литераторов.

— В твоём желании стать писателем что доминировало: художественные позы или стремление «выбиться в люди»?

— Определенно, «позы». У меня была масса возможностей сделать карьеру — служебную, партийную. Если помнишь, я ушел на вольные хлеба с должности главного редактора газеты «Московский литератор». Откуда были открыты пути куда угодно... Но я плюнул на это, потому что это мешало творчеству.

— Пальто «из матраса», в котором ты вернулся из армии, стало легендой между твоими друзьями.

— Сейчас понимаешь, что мы жили в такое время, когда встречали и провожали не по одежке — по уму. Теперь вот точно — по одежке из бутика...

— В твоих словах слышна ностальгия.

— Здесь надо разделить две вещи. Во-первых, обычная ностальгия по молодости. Мартин Иден, став известным писателем, с умилением вспоминал свою работу в прачечной, которая объективно не была идеалом его жизни. С другой стороны, нынешнее повышение уровня жизни коснулось весьма незначительной части населения.

— То есть твоя ностальгия носит не столько лирический характер, сколько социальный?

— Именно. Когда я смотрю, скажем, на врачей или учителей — а я сам учитель по образованию, — у меня сердце кровью обливается.

— Новации перестройки тебе были симпатичны?

— Мы были воспитаны идеологией, которая предполагала только линейный прогресс: нашему поколению внушили, что любое изменение жизни приводит к лучшему. Поэтому никому в голову не приходило, что в результате реформ может быть хуже. При всей дури режима все-таки медленно, спотыкаясь, но шло поступательное развитие. Мы, скажем, жили с родителями в общежитии, потом получили квартиру. Когда я был пацаном, на весь наш Балакиревский переулок стояла одна личная машина — «Победа». Я до сих пор помню имя владельца — Фомин. Когда я приехал в этот переулок в середине 80-х, там негде было машину поставить — свою. Скажи пенсионеру где-нибудь в 85-м: в результате реформ вы лишитесь всех сбережений. Он бы рассмеялся тебе в глаза: так не бывает! Вспомни: поначалу ведь о чем спорили? Мы будем жить лучше через год или через три? Если ты говорил — через три, значит, ретроград, красно-коричневый. А вот это — демократ: он говорит, что через год.

— Лично ты, как литератор и гражданин, больше приобрел или потерял?

— Отношу себя к небольшой группе литераторов, которые примерно сохранили свой уровень жизни. Книжки как выходили, так и выходят. Но вижу: на одного моего преуспевающего знакомого приходится десять, которые серьезно пострадали.

— Ты об экономике. А что касательно свободы?

— Есть свобода и свобода. Я не был деятелем андеграунда, не был диссидентом...

— А совсем даже напротив.

— Ну да, у меня все было в порядке: Я — редактор, секретарь московского писательского комсомола. Одним из моих предшественников был, между прочим, Евгений Евтушенко. Кстати, писателей комсомольского возраста было в Москве четыре человека, включая меня... Но меня никто же не заставлял писать в стол «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба». Из-за которых меня «приглашали» и в КГБ, и в ГЛАВПУР... Но потом все-таки напечатали. А сейчас? Возьмем среднестатистического прозаика-реалиста. Зачем, говорит, мне писать реализм, за который не дают ни премий, ни денег, ни лекций в Филадельфии. Я буду писать постмодернизм! Внутренняя свобода писателя почти не зависит от того мира, в котором он живет. Юрий Казаков или Юрий Трифонов, они неправду писали, что ли? Сейчас тебя за честное слово никто не посадит, а в руны в литературе стало гораздо больше.

— Экономические оковы более тяжкие, чем идеологические?

— Я не знаю ни одного писателя-правдолюбца «застойных» времен, который бы побирався и голодал. А сейчас — знаю. Они голодают — даже ни с чем не борясь.

— Тут на днях одна популярная газета сообщила, что ты был замечен на праздновании годовщины ВЛКСМ. И даже как-будто прочел стихи типа «не расстанусь с комсомолом»...

— В прежние времена корреспондент, скажем, «Правды», имея задание редактора и партбилет в кармане, бодро все перевернул. Сегодня газеты дают информацию о праздновании юбилея комсомола. И корреспондент, на которого не давит ни цензура, ни парторганизация, по зову сердца ставит все с ног на голову. Чего врать-то? Да, был комсомол, семьдесят лет, через него прошли практически все. Почему об этом нужно забыть? Я с удовольствием прочитал на том вечере свои давние, чуть ироничные стихи о бурно-наивной комсомольской молодости:

К полуночи доплетаясь до дому,
Сном валится на диван,
Как будто я построил домну
Или собрал подъемный кран...

Иной раз нынешняя пресса навязывает все тот же убогий классовый подход. Зачем делить общество на тех, кто помнит и кто «забыл»? Лично я ничего не забыл!

— Ты сказал о наивной комсомольской молодости. Но, между нами говоря, ни тогда, ни сейчас ты наивным не был. Где здесь наивность, а где трезвый расчет?

— Мы были советскими людьми и в положительном, и в отрицательном смысле. Советская цивилизация — особый мир. Это она, между прочим, размотала немцев и вышла в космос. Комсомол для тогдашней молодежи был единственным способом выражения своей социальной активности, за исключением диссидентства, разумеется...

— Активности в трагифарсовом преломлении.

— Фарс и ложь присутствуют в любой системе. После, например, компании «Голосуй или проиграешь!» или, скажем, чудовищного кризиса 93-го года теряешься в ответе на вопрос: почему мы приспособленчество свя-

зываем исключительно с советским периодом? Приспособленчество вне формаций. Есть адаптация к действительности. И есть способность перешагнуть через нравственные барьеры. Это разные вещи.

— В какой степени для тебя цель оправдывает средства?

— Понимаешь, я думаю, что как только для достижения благородной цели начинают использовать неблагородные средства, цель превращается в свою противоположность. Грубо говоря: для укрепления демократии парламент расстреливать нельзя.

— Ты допускаешь, что коммунисты вернутся к власти?

— А они куда и не уходили. По крайней мере, та часть партийцев, которая ставила власть выше идеологии. У нас у власти что — выпускник Принстона? А те, кто ставил идеологию выше власти, сейчас в оппозиции. В этой ситуации я предпочитаю политиков, которые стоят одной ногой в прошлом, а другой в будущем — так устойчивее...

— ?

— Как, скажем, Лужков. Мы ведь существуем в многоукладном обществе — одновременно в советском и постсоветском. В таких исключительных условиях успешно может руководить человек, который понимает особенности обеих моделей.

— Довольно о политике. Поговорим о литературе.

— Эпоха открытия новых материков в литературе вроде бы закончилась. Все материк как-будто бы открыты. Теперь надо присмотреться к уже открытому: какой там ландшафт, какие там зверушки бегают, есть ли там вулканы, аборигены? Эпоха «ахов» прошла. Ах, в армии есть неуставные отношения! Ах, в комсомоле девушки ходят с инструкторами в баню! Сейчас для писателя, как для глубокого географа, важен не столько момент открытия, сколько описание. Описанием я сейчас и занимаюсь. Читатель это чувствует: мои книги выходили и выходят в самые трудные времена — и раскупаются.

— А теперь о том, что читатель не видит. Ты ты выпиваешь, то нет. Куришь или — нет, по полгода...

— Я не раб своих привычек. Когда писал роман, исключил алкоголь. Хотя курил. Но могу и не курить.

— Мало того, женился в двадцать лет и, похоже, надолго. Есть в этом, Юра, что-то вызывающе антихудожественное, согласишься?

— Есть два принципа жизни творческого человека. Первый: живу как живу. И параллельно свою жизнь, которая складывается так, как складывается, делаю предметом литературы. Второй: автор работает над своей жизнью как над художественным произведением. Все свои браки, романы, конфликты рассматривает как черновики к творчеству. Большей нелепости нет, тексты начинают за себя мстить. Потому что писатель — согладатель. Он не может одновременно творить свою жизнь и литературу. Есть гении, которым удается и то, и другое. Я к их числу не принадлежу. Предпочитаю жить жизнью нормального гражданина, который живет так, как живет. Живет с одной женой, и слава Богу. Генри Миллер, скажем, интересен тем, что жил, как немногие. А я — как многие.

— В чем для тебя главный смак жизни?

— В разные времена — разный. То хотелось достичь какого-то положения в литературе. То — определенного жизненного благоустройства. То — чтобы дочь в вуз поступила... Я всегда мечтал иметь, к примеру, домик на природе, чтобы копаться в земле... Но покоя нет. Постоянно мучает вопрос, почему нашему народу регулярно достаются правительства, которых он не заслуживает и «реформы», от которых немец давно бы околел?

В гости ходил Виктор ГАЛАНТЕР